

Настя Колосова

Сцены из пьесы

(Продолжение.
См. «Курскую правду»
№№ 230—233).

КАРИНА ТРЕТЬЯ

В кабинете Тимошина в райкоме сидят: он, председатель райисполкома Силин и В. Ингал. Позднее лето. Солнечное жаркое летнее утро. Сильный ветер хлопает раскрытыми ставнями окон. Районный центр — небольшое село. За окнами в перспективе зады райкомовского двора, немного ступеней, армейский газик — «козел» у сарая, чахлые деревья, за ними — открытая степь. А в степи уже голо: побуревшие жнивы да вдали кое-где высокие скирды хлеба на токах, где еще молотят.

ТИМОШИН (притворяется распахнувшее окно). Разбухнул как ур. Опять буря поднимается.

СИЛИН. Про этот восточный ураган у стариков такая примета: если на третий день не утихнет — девять дней будет дуть. На девятый не утихнет — восемь — надвигается.

ТИМОШИН. В восемнадцать не уложится — тридцать шесть? На тридцать шесть у нас угодится — семьдесят два? Ну, тебе, с твоими приметами! Озимку не дает сеять. (Прокашлявшись по кабинету, продолжает прерванный ветром разговор, к Чернышу). Ты что, мол, полагашь — не умею этой штукой думать (хлопает себя по голове), оттого и смеюсь?

ЧЕРНЫШ. На нее глядя, не смеяться, а плакать хочется. Ведь хорошая баба была, я ее давно знаю. Простая, умная.

СИЛИН (крутит машинально шнур телефона). Ум от нее и сейчас не ушел.

ТИМОШИН. Не крути шнур, порвешь. Удивительная женщина. Смотришь на нее и думаешь: да, нет у нас такой работы, с которой бы она не справилась! Руково-водящая работами. Властная, ясная голова, умеет держать в любой обстановке. Прямо, родила министр. (Усмехнувшись). Вероятно, потому так легко и скопировала свою приемную с нашей. А насчет земледелия у нас — талант. Большой талант. То, чего не хватает некоторым, даже очень образованным агрономам. Будто в душу смотрит каждому растению, и все тайные его знает: отчего оно чахнет, чего ему не хватает, как помочь ему все его скрытые силы развешивать. (К Силину). Понимаешь, если бы речь шла о присуждении ей Сталинской премии, за ее — да, можно смело сказать — научные изыскания в области рекордных урожаев — другое дело... (К Чернышу). Плакать, говоришь, хочется? Вот она сейчас придет. Побудь здесь, поговорим с ней. (Взвешивает в руке письмо). Группа женщин из колхоза «Честный труд» прислала нам письмо. Протестуют против представления ее к званию Героя Социалистического Труда. Слушай (читает, пропуская начало)... «И повелось у нас так, что теперь все ей идет в первую очередь: и тягло, и у нас его еще не хватает, и инвентарь, и людей с других отраслей снимают. А мы бы тоже не отказались лишней раз подкормить посевы да прокультивировать. Было время, когда мы даже согласны были все ей отдать. Присылают колхозу удобрения, а что с ними делать, поскольку не знаем. Даже рады бы, что добровольно соглашается голову морочить. А нынче и нас советская власть образовала... Мы Колосову не хулим, она нам показала дорогу. Большой труд приняла она на себя. Сама работала, как закаянная, день и ночь. Не легко мужика повернуть на новое. За это — честь ей и хвала. Но зачем же она заняла эту дорогу во всю ширину, а нас не подпустила?.. В этом году она уже без стеснения стала всем колхозом командовать. Будто, у нас всех только и заботы — чтоб Настя свои обязательства выполняла. Напала вредители на ее посевы — наших звеньев людей требуют ей на помощь. В засуху заставляли нас поливать рекордные участки. А у нас свои участки, их солнце тоже палит, и такие же вредители их портят. Мы тоже обещание товарищу Сталину давали... Если получат она такую большую награду, это другим передовикам будет обидно. Нам таких условий не давали, как ей. А если все же награждать, то люди поймут так: это, значит, за старые заслуги».

ЧЕРНЫШ. Толковое письмо.

ТИМОШИН. Да... Есть тут рассуждения и об агротехнике. Слушай: «Агротехника тоже разная бывает. Заставить двадцать человек один гектар обрабатывать — можно и семсот пудов пшеницы с гектара взять. Если стоять над каждым стебельком с грелкой и зонтиком, чтоб ему ни холодно, ни жарко было. Так это же — одно гектара возьмешь. А с остальных? А с тех — по сорот? А не лучше бы со всех пудов по сто пядьдесят, чем с одного — семсот? Да, может, и семсот каким-нибудь другим способом можно взять, полечет? Пора и об этом подумать».

СИЛИН. Верно бабы пишут! Заглянешь в иной учебник: тысячу трудней в гектар надо вложить по их методу, тогда только получишь урожай. Думаешь: да бывали ли эти авторы когда-нибудь в колхозах, знают ли они наши условия? Академики!..

ТИМОШИН (читает). «Надо такую агротехнику показывать людям, чтобы с чистой совестью можно было требовать от всех: почему так не делаете, как я? Надо о государственной выгоде думать, так мы понимаем, а не только о своих личных рекордах — чтобы славу себе зарабатывать»... Вот письмо!

ЧЕРНЫШ. Кто подписал?

ТИМОШИН. Звеньевые: Федосья Голубова, Батракова Евдокия и Фрося Любченко.

ЧЕРНЫШ. Что решаете?

ТИМОШИН. Да решать-то тут нечего. Правительство за нас обдумало такие случаи. Посмотри колхозный отчет об урожайности. (Подает ему ведомость. Большая пауза).

СИЛИН. Я расскажу тебе, Денис Григорьевич, как это с Колосовой получилось. Ты новый человек у нас, не знаешь всей истории.

ТИМОШИН. Какой новый?

СИЛИН. Ну, до войны ты же не был здесь.

ТИМОШИН. Давно надо было мне это разгладить.

СИЛИН. Не только ее вина тут. Мы сами ее к тому толкали... До войны у нас работал первым секретарем Гущин Петр Елисеевич. Недалекий человек. Не подумай, Денис Григорьевич, что я заискиваю перед тобой, ругаю старого секретаря. Вот Черныш помнит его.

ЧЕРНЫШ. Подскажи.

СИЛИН. Именно так. Вперед совершенно не глядел. От хлебозаготовок до хлебозаготовок, под страхом божьим, как говорится. И в области его не любил. Вызывают на бюро обкома с отчетом — выговор. В другой раз — строгий с предупреждением, в третий — с последним предупреждением. Куда ж ему вперед смотреть? Еще раз едет, думаем: ну, все, отслужил наш Елисеевич. Нет, опять с выговора начинать. Район был вечно отстающий.

ТИМОШИН. А ты ж чего тут делал, советская власть?

СИЛИН. Я, Денис Григорьевич, в высшей партийной школе не учился, не посылал меня. Я, можно сказать, самородок.

ТИМОШИН. Ишь ты!

СИЛИН. Да. От пахула до председателя райисполкома дошел своим умом. Ты мне скажи: как можно какую-нибудь провести реформу? Школы, мосты, мобилизация средств — это я сделал. А насчет политики и мне надо помогать. Кто должен помогать? Секретарь района, первая голова.

ТИМОШИН. Ну, да, конечно. Бывает, и на первую голову затмение находит. Так что — Гущин?

СИЛИН. Когда началось стихающееся движение, он это так понял: нужно, дескать, и нам заводить своих стахановцев, чтоб и у нас было на вид, как у всех. Есть, мол, в районе электростанция, есть кино, футбольная команда, еще есть то-то и то-то, и знающих людей имеем полдюжины, или сколько там положено. Оно-то никем ничто не положено, но знаешь же как... Тимосин. Да, тут нормы нам никто не устанавливал.

ЧЕРНЫШ. Человек он был, вообще-то говоря, сообразительный, но как-то мелко обо всем думал.

СИЛИН. Когда прославилась у нас Колосова, он это быстро понял — какая выгода району от ее рекордов. Ведь ее вся страна узнала. В школах детвину по хрестоматиям учили: кто такая Колосова и что она сделала. А откуда она родом? Где живет, работает? В нашем районе. Вот уже ему и отдушина. Все внимание стал ей уделять. Сверху раз похвалил, а он десять раз повторит, где надо и где не надо. Только и слышала она о себе слова: наша гордость, наша слава, прямо — святые мощи из нее сделали. И стانهш, бывало, ему говорить: «Что ж это ты, Петр Елисеевич, все: Колосова да Колосова? О ней лишь разговор, только ей и помогаем, будто у нас в районе и людей больше нет». А он: «Это у тебя — недооценка стахановского движения». Чорт его знает! Подумаешь: может, верно — недооценка? Институт красной профессуры окончил когда-то. А я там и по нордору не ходил.

ТИМОШИН. Ну да, самородок...

СИЛИН. Если только хвалить и хвалить, а новых требований не предъявлять, — всякий живой человек зазависает может.

ЧЕРНЫШ. Это все так. Но мне кажется — еще что-то сбивает ее с толку.

(Входит Настя).

НАСТЯ. Можно?

ТИМОШИН. Можно.

НАСТЯ. Здравствуйте. (Здоровается со всеми за руку, садится у стола).

ТИМОШИН (долго смотрит на нее). Эх, Настя, Настя!

НАСТЯ. Чего — Настя? Тридцать три года Настя.

ТИМОШИН. Такая молодая? Невеста! Еще погуляю у тебя на свадьбе... Вот найди тебе хорошего мужа! С характером. Чтобы взял тебя на воспитание.

НАСТЯ. Меня — на воспитание? Я уже вполне совершеннолетняя.

ТИМОШИН. Тото и оно. Была бы девочка — легче. (Настя недоумевает и пожмает плечами).

ТИМОШИН (серьезно). Плохи дела, Настасья Никитишна.

НАСТЯ. У кого?

ТИМОШИН. У тебя.

НАСТЯ. У меня? А по моему — хорошо. О чем говорите-то?

ТИМОШИН. Об урожае. Вот прислал нам с товарищем Силиным акты по твоему званию и по колхозу. Читали мы их, проверяли, подсчитывали.

НАСТЯ. Ну? Не дотянула?

ТИМОШИН. Дотянула... Но представлять тебя к званию Героя Социалистического Труда не можем.

НАСТЯ. Почему?

ТИМОШИН. Неужели, не догадываешься? Узнаю-то читала? Там есть пункт: при условии выполнения плана урожайности в целом по колхозу. А колхоз ваш плана не выполнил. По колхозу в среднем урожайности второе ниже, чем в твоём звене.

НАСТЯ. То — не моя печаль! Я за свое звено отвечаю.

ТИМОШИН. Ну, поди поспорь с правительством. Президиум Верховного Совета так решил... Не твоя печаль? (Звонит, в дверь заглядывает его помощник). Позови Голубову. (К Насте). Все приехали?

НАСТЯ. Все.

ТИМОШИН. Всех зови. (Входит Федосья Голубова, Фрося Любченко и Дуна Батракова).

ТИМОШИН. Здравствуйте! Садитесь. Ближе, ближе, вот сюда... Расскажите нам, товарищи Голубова, и вы, девушки, почему ваш колхоз не выполнил плана урожайности?

(Пауза. Девушки переглядываются).

ФРОСЯ. Не выполнили...

ТИМОШИН. А почему? Стихий? Засуха?

ФЕДОСЬЯ. Да нет. Засуха с весны было напугала, а потом прошли дожди, хорошие.

ТИМОШИН. Трактора вам не пахали? Семена, может, плохие получили?

ДУНА. Как людям, так и нам. Не обижайтесь, чего зря говорить.

ФЕДОСЬЯ. Сами плохо работали.

СИЛИН. Кто плохо работал? Федосья. Да разве сразу называешь. У нас три бригады, восемнадцать звеньев. Всякий народ есть...

(Пауза).

ТИМОШИН. Вот вы подвели свою знаменитую стахановку. Она заработала звание Героя Социалистического Труда. А колхоз плана урожайности не выполнил. Не можем же представить. Нехорошо получилось.

ФЕДОСЬЯ (глянув на Настю). Мы — подвели? Жалуетесь? (С жаром). Ну, Денис Григорьевич, у нас в колхозе такое творится, что без пол-литра не разберешь — кто кого подвел.

ТИМОШИН. Так вот, чем ругались — взяли бы пол-литра, сели и разобрались.

ДУНА. Настасья Никитишна с нами не ругается. Она нас просто не замечает.

прозвизжала? А когда ячмень бороновала — кто баб привел с палками, гнали меня с поля: «Не позволим хлеб губить!» И в колхоз вступила, когда мы его уже построили.

ФЕДОСЬЯ. Что было, то прошло. Зачем, Настя, старое тревожить? Разное понятие у нас было. Ты раньше поняла про колхоз, да. Ну, что ж, гордись этим. Я — позже. Но теперь я с этой дороги никуда не сверну!.. Знаешь, какой у меня был Петрович, покойник? Вот уж сколько раз решали с ним: вступим в колхоз. Как войдет он в колхоз, как станет быков отвязывать, чтоб вести на общий двор, да как заплачет над ними, как дитя, — сердце разрывалось. Думаешь: а будь он недоволен, ваш колхоз, как из-за него человек мучается! Не чужой, ведь... Муж. Мы ж только перед коллективизацией тех быков нажили... Так же и агрономам не сразу поверила. Век хлеб сеяли, с делов, с праведов, а они говорят — так сеяли, вот так надо. А может, ты вредитель какой, что заставляешь яровые весною скоротить?.. Ты на курсах была, Настя, ты молодежь, грамотнее. Ну, ладно, я — дура, виновата перед тобой. А вот — девки. Молодежь. Им ни богаты, ни чертами голову не забавили. Показки, поучки их, и сдают они не хуже тебя.

НАСТЯ. Я вас учила, учила, да и плюнула. Десять лет учила.

СИЛИН. Равно плюнула.

ФЕДОСЬЯ. Вот слышите. Она нас за ничто считает. А которые здесь при немцах оставались — тех особенно... За что ты меня притихением немецким назвала? Стояли у меня немцы, варила им, стирала, отжигала — убили бы. А у меня — дети. Должна я жить для них? Не уехала я, да. При сынал Шаров поводу и за мной, называл меня сют гнать. Отказалась, верно, не поехала. Думаешь, хозяйство пожелала бросить, хату? Да пропади оно пропадом все! У меня дочка в горячке лежала, куда бы я ее повезла, больницу? Два сына на фронте, и дочка старшая помирает. Ты — не мать, не поймешь... Ну, может, все же нужно было мне ехать, неправильно я поступила, так что ж — так мне не колхоз теперь и не простится?.. Мы за два года натерпелись здесь такого, что не приведи бог другим и во сне увидели!.. Мне дай теперь простор, хочу для государства делать больше. Хочу нашу силу так укрепить, чтоб больше никогда никакой враг не пришел на нашу землю!..

(Пауза).

ФРОСЯ (просто душно). А может, вы, теть Настасья, боитесь, что мы вас обгоним?

НАСТЯ. Вы?..

ТИМОШИН. Не может Настя этого бояться! Она — советский человек. Коммунизм строит. Знает, что для коммунизма одним ее рекордов мало.

ЧЕРНЫШ. И для защиты коммунизма от врагов...

НАСТЯ. Ну, хорошо, пусть вы такие сознательные стали. А еще у нас пятнадцать звеньев? (К Тимошину). С теми что делать? Тянуть, как бычка на веревочке? И за тех мне отвечать? Они будут пакостить, а мое все — насмарку?

ТИМОШИН. Тянуть, да, учить, воспитывать.

НАСТЯ. А, по-моему, уже каждый показал себя достаточно — на что он способен.

ТИМОШИН. Настя! Тяжелое это слово — бюрократ, да и не клещи оно как-то к тебе, труженице полей. Но ты оторвалась от массы.

НАСТЯ. Обывайте, как хотите. Мало терпела там, еще — и от вас.

ТИМОШИН. Десять лет она учила. Еще будем десять лет учить! А как же? Пока всех не научим. Для того и существуем.

СИЛИН. А дело не так скверно обстоит, Настасья Никитишна, как тебе кажется. Вот в их звеньях (на Федосью и девушек) урожайность, — мы же смотрели акты, — приближалась к твоим урожаям. Ты уже не одна там.

ТИМОШИН. Да, да. Она этого не хочет видеть. Что у тебя дома делается? Какая-то агитация. Секретаршу завела, люди в очереди сидят. Знающий человек. Настя, это — не чин, не должность.

НАСТЯ. А как же мне быть без канцелярии? Идут, едут, письма пишут.

ТИМОШИН. Вот и хорошо, что идут, едут. Идут — за по-мощью.

НАСТЯ. И у вас тут очереди.

ТИМОШИН. Бывают. Неизбежно. Работенки немощно больше, чем у тебя. Но если не секрет, и посетители сами не требуют, чтобы разговаривал с ними поодиночке — распахивая двери: заходи все разом! Весе-ле, знаешь, ожидая человека, когда видишь, что я с другим тоже делом занят... Нет, Настя, не от-большой любви и людям ты сто-ликом от них оттордилась.

НАСТЯ (встает). Ладно... Значит — не заслужила Героя?

Работала, здоровья не жалела... Ехать домой, и так и сказать всем — не заслужила. Пусть изде-ваются!

СИЛИН. За что же над тобой издеваются?

НАСТЯ. Эх, товарищ Силин, товарищ Тимошин! Не знаете вы всего, что у нас в колхозах делается. Думаешь, нет таких сло-веч, которыми это наруку? Скажут: ну что, наградила тебя твоя советская власть?.. (Сдер-живая рыдание). Может, и ор-ден отберете? Отдать? Нет, не отдам. Орден мне товарищ Стали-да.

(Уходит, хлопнув дверью).

СИЛИН. Да-а...

ЧЕРНЫШ (встает, хочет выйти за Настей). Вернуть ее? Нельзя же так, ни до чего не договори-лись.

ТИМОШИН. Не надо. В другой раз. Пусть перекинут у нее...

ФЕДОСЬЯ (смотрит в окно). Ох, улетела она на линейке, а нам пешком идти придется.

ТИМОШИН. Ну, поезжайте ра-зом.

ФЕДОСЬЯ. А это она правиль-но сказала, Денис Григорьевич: есть такие людишки у нас, что порадуется.

ТИМОШИН. Да и ты ведь это-го хотела. Кто мне это письмо писал?

ФРОСЯ. Мы писали. Дунька конверт клеила, я писала, теть Федосья подсказывала. А расписались все.

ФЕДОСЬЯ. Так ведь... Мы ей не враги. Мы и ей добра хотели... Не рассуждай тут всего, Денис Григорьевич.

ДУНА. Приезжайте к нам, то-варищ Тимошин, да поживите подольше. Сами увидите, где что у нас неладно.

ТИМОШИН. Приеду, обяза-тельно. (Подает руку Федосье и девуш-кам). До свидания. Спасибо вам за науку. Я сегодня и здесь мно-го полая. Работайте. Обещам вам помощь и поддержку.

(Федосья и девушки, попрощав-шись со всеми, уходят.

Большая пауза).

ТИМОШИН. На наших глазах что-то большое рождается в на-роде...

СИЛИН. Простора требуют. Здорово!

ЧЕРНЫШ. Вот у меня — про-стор!

ТИМОШИН. Конечно, друзья, одна звеньевая за нас урочая в районе не сделает. В районе пядьдесят тысяч гектаров земли. В колхозе у них плохо вышло. И в среднем по району с урожаем, надо прямо признаться, — не ахти. Да-леко еще не то, что нам нужно для настоящего изобилия... Ты о чем, Василий Павлович? О канале? Да. Но канал — это не все.

СИЛИН. Канал строить вы-ручат как годика через три, и то — частично. Не всю ведь площадь оросим.

ТИМОШИН. Вот, вот. Агроном Луговой об этом же толкует... На-род наш можно сейчас на боль-шие дела поднимать. (Ветер рас-пахивает окно, срывает бумажки со стола, Тимошин подбирает их, прикладывает прессом, останавли-вается у окна, не закрывая створ-ки). Эх, хорошо!.. Да сколько вас! Один на канале помещался, другой на гнездовом севе, третий на садах. Вчера один рыболов сидел у меня тут, — два часа на-счет рыбных пудов толковал. «Вас много, я один!» (Смеется). Как в их колхозе Шаров от баб отбивается. (На Силина). Да не крути ты шуры! Ну что за чело-век! Придет, сидит и крутит его, крутит. Опять у меня телефон закидается. Три шура уже пере-крутил. Вот самородок... медный.

СИЛИН. Взял в зубы. Теперь понесет...

ТИМОШИН. Канал — каналом, а придется тебе, Василий Павлович, и этим колхозом заняться. Ты в нашем партактиве, даю тебе по-ручение. Хотя пожилые несколько дней, хоть наедай тут время от времени, ночуй там. Но с людьми поговори. Сделай там несколько докладов. Надо там кое в чем поглубже разобраться. И я туда приеду на днях.

СИЛИН. От такого поручения он не откажется. Обратил внима-ние, как он смотрел на Настю? Кинулся за нею.

ТИМОШИН. Хорошо, хоть кар-тину пиши! Ты говоришь: святые мощи из нее сделали. Не похожа она на мощи.

СИЛИН. Не в том смысле.

ЧЕРНЫШ. Оставьте. У нее и без меня женихов достаточно.

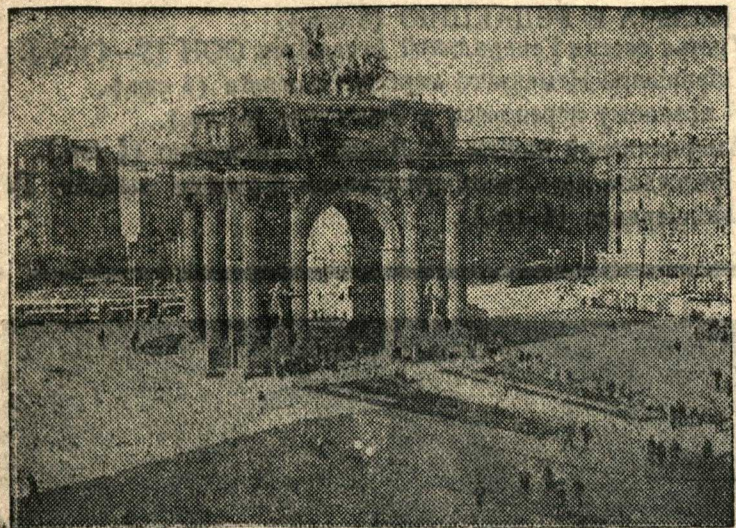
ТИМОШИН. То — женихи, пока-дело нахо золотой звездочкой.

ЧЕРНЫШ. Я ее давно знаю. Мне больно видеть, как она изне-мляется.

ТИМОШИН (серьезно). И нам больно... С нею нам придется много поработать. Дорогой чело-век, нужный нам. Борется мы в наших пятилетках, чтобы всего у нас было много на душу и хле-ба, и металла, и одежды. Так на-до, чтоб и души были хороши...

ЗАНАВЕС.

(Продолжение следует)

На снимке: реконструированная площадь Стачек в Кировском районе Ленинграда.

Новые памятники в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД, 25 ноября. (ТАСС). Сегодня исполком Ленгорсовета утвердил проект памятника М. И. Калинину, который будет установлен на крупнейшей площади в Калининском районе. Автор про-екта — лауреат Сталинской премии М. Маизер.

Исполком утвердил также про-ект памятников Н. А. Римскому-

Корсакову (авторы — лауреаты Ста-линской премии В. Боголюбов и В. Ингал) и А. С. Грибоедову (ав-тор — лауреат Сталинской премии В. Липев). Первый памятник бу-дет установлен на Театральной площади у консерватории, второй — в новом сквере на Международном проспекте.

В ТЕХНИЧЕСКОМ СОВЕТЕ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

В Министерстве сельского хозяй-ства СССР — 25 ноября состо-ялось заседание технического совета. С докладом «Рельеф мест-ности и вопросы земледелия» вы-ступил вице-президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук м. В. И. Ленин — В. П. Мосо-лов. Он рассказал об итогах много-летней работы по изучению влия-ния рельефа местности на плодород-ие почвы и урожайность сельско-хозяйственных культур. Наблюде-ния показали, что поля, распола-женные на склонах, дают неодина-ковый урожай. Это объясняется тем, что в верхней части склонов почва, смываемая в течение долгих лет паводковыми и ливневыми водами, беднее, чем на нижней, и отличает-ся по влажности. Особенно резко влияет рельеф местности на уро-жайность таких культур, как пше-ница, лен, просо. Разница в урожа-

ности пшеницы, например, достигает до 50 процентов.

Для достижения высоких урожаев, сказал в заключение академик В. П. Мосолов, необходимо подби-рять сорта сельскохозяйственных культур и применять агротехнику с обязательным учетом рельефа местности.

Выступившие в прениях отмечали своевременность поставленной про-блемы в свете задач исторического постановления партии и правитель-ства, посвященного преобразованию природы степей. Профессор С. С. Соболев указал на широкое значение вопроса, ибо только в европейской части СССР насчиты-вается до 50 миллионов гектаров полей, расположенных на склонах.

Технический совет Министерства сельского хозяйства СССР создал комиссию для разработки практиче-ских мероприятий по докладу В. П. Мосолова. (ТАСС).

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР

25 ноября в Колонном зале Дома Союзов открылся второй Всесоюз-ный съезд союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. На съезд прибыло свыше 300 делегатов из различных горо-дов страны.

С докладом о деятельности ис-полнительного комитета союза обществ Красного Креста и Крас-ного Полумесяца СССР выступил председатель исполкома В. А. Хо-лодков. Он отметил, что с 1932 года число членов общества выросло с трех до пятидесяти миллионов че-ловек. В годы войны подготовлены сотни тысяч медсестер, санитарниц и санитаров. Сейчас на пред-приятиях, в учреждениях, в колхоз-ах страны обществ созданы 8 с половиной тысяч санитарных постов и свыше трех тысяч первичных ор-ганизаций. Они проводят большую санитарно-просветительную работу. Съезд продлится несколько дней. Участники съезда с огромным во-одушевлением приняли приветствие товарищу И. В. Сталину. (ТАСС).

10-ЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В декабре этого года Государ-ственная историческая